

Вавилонский двигатель

Башня Массимо Сколари в Венеции

Коммерсант 6 - 2004. - 15 сент. - с. 21

биеннале архитектура

Одним из главных событий проходящей сейчас Венецианской биеннале стала экспозиция итальянского павильона. Как всегда, в этом павильоне представлена не архитектура Италии (ее показывают в павильоне Венеции), а международная архитектурная выставка. Центральная инсталляция выставки — гигантская Вавилонская башня, сделанная по проекту Массимо Сколари. Из Венеции — ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.

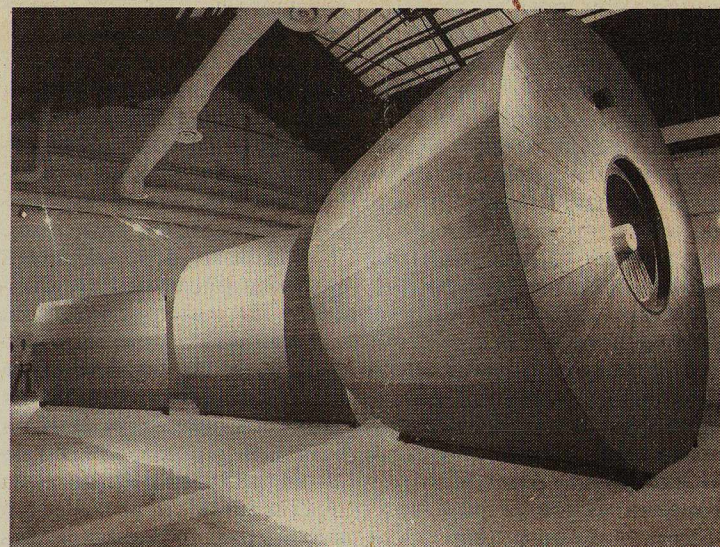
Здесь сразу несколько выставок — история итальянского интерьера с 1960-х по сегодняшний день, концертные залы, начиная с Сиднейской оперы Йорна Утсона и опять же по сегодня, выставка «Эпизоды», включающая большую инсталляцию пионера криволинейности Питера Айзенманна и выставку Ивана Леонидова, подготовленную Центром современной архитектуры Ирины Коробьиной, и выставка «Благодарение тени», демонстрирующая, как трансформируют архитектуру разнообразные оптические эффекты, от теней до непрозрачности.

Все выставки обладают собственными достоинствами. Самая концептуальная из них — «Концертные залы». Курт Форстер, главный куратор биеннале, выстроил здесь новую исто-

рию архитектуры криволинейности исключительно на примере этих самых залов, и в этом есть резон. Начиная с Сиднейской оперы Йорна Утсона и до диснеевского концертного зала в Лос-Анджелесе по проекту Фрэнка Гери, законченного в этом году, мы получаем стройную картину разнообразных залов причудливых форм. Здесь есть работы и Жана Нувеля, и Питера Айзенманна, и Эрика Мосса. Все они выстроены по одной схеме: сначала проектируется обычное и достаточно функциональное здание, потом сверху оно накрывается произвольной формы оболочкой. Я бы сказал, что Йорн Утсон несколько выпадает из этой череды мятых кучек, он работал еще до эпохи компьютеров, где эти кучки делаются с большой легкостью, и форма его оперы выстроена совсем иначе. Однако заметно, насколько точно в эту тенденцию попадает Доминик Перро с его проектом Мариинского театра, представленного на выставке. Перро я встретил здесь же, и выглядел он, как обычно, совершенным победителем. Правда, своей экспозицией он не слишком доволен, и, по его мнению, его биеннале — следующая. «Тогда я выставлю уже законченный Мариинский театр в Русском павильоне, и это будет сильно!» — сказал он. Мое замечание, что мы

уже выставляли проект Мариинского театра Эрика Мосса на биеннале 2002 года (проект куратора Давида Саркисяна «Два театра»), его совершенно не обескуражило. «О, прекрасно, — сказал он. — Это будет хорошая традиция. Россия всегда выставляет в павильоне Мариинский театр. Здорово, правда? Ведь больше вы все равно ничего не показываете? Сейчас у вас там студенты, какие-то занятия, архитектуры нет?»

Выставка истории итальянского интерьера менее интересна главным образом потому, что от нее слишком много ждешь. В России так много итальянского интерьерного дизайна, что кажется — уж итальянский интерьер-то должен быть чем-то грандиозным. Однако по замыслу кураторов это своего рода история повседневности, и выставляется интерьер не пафосный, а самый простой, обычный, так сказать, политкорректный интерьер простого итальянского труженика. Изменения в этом интерьере происходят небольшие, хотя, возможно, впоследствии они будут более существенны (кончается выставка интерьерами будущего, где простые люди летают среди криволинейных форм, а также кочуют по своей квартире, в которой растет небольшой лес, в передвижных комнатах-палатках). В целом эта выставка кажется довольно

Вавилонская башня Массимо Сколари — свидетельство того, что архитекторам друг с другом не сговориться

забавным акцентом, оттеняющим виртуальные буйства, которые царят в концертных залах. Получается что-то вроде «в то время, как там гнулись и рвались стены, люди жили так же, как их отцы и деды».

Отдельно следует сказать про выставку Ивана Леонидова. Хотя она никак не вписывается ни в общий замысел биеннале, ни в экспозицию итальянского павильона (Курт Форстер прямо анонсировал эту выставку как несколько чужеродное явление, написав в каталоге: «...а еще в экспозиции присутствует выставка Ивана Леонидова, который также стремился к новой архи-

тектуре в России в предшествующий период»), однако это большой успех России. До этого только Юрий Аввакумов со своей знаменитой инсталляцией, представляющей рабочего и колхозницу, вписанных в башню Татлина, вышел за границы русского павильона и удостоился чести быть приглашенным в интернациональную экспозицию. Теперь вслед за ним усилиями Ирины Коробьиной там же оказался и Иван Леонидов.

Что же касается главного героя нынешней биеннале Питера Айзенманна, то его инсталляция представляет собой скромный пространственный

объект, который следовало бы назвать «Путь из истории мировой архитектуры ко мне». Это коробка, в которую вы входите через стенку, украшенную круглыми столбами, далее попадаете в прямоугольное пространство, в двух торцах которого поставлены две гнутые железные лестницы, ведущие в никуда, а потом следуют два зала, разбитые на маленькие кубики прямоугольными стойками и балками, в которых тоже есть по углам гнутые железные элементы. Сначала я ничего не понял, но потом прочитал объяснение Айзенманна, и все стало ясно. Круглые столбы — это, по его мнению, архитектура Палладио, железные лестницы — это Пиранези, а потом идет его архитектура, синтезирующая одно и другое. Все ясно. Хотя, должен заметить, что синтез, по-моему, начался с самого начала, потому что и Палладио, и Пиранези выглядели у него совершеннейшим Айзенманном и совершенно лишались вообще-то свойственного им очарования.

Вся эта разнообразная архитектура располагается вокруг центрального зала павильона, в котором лежат три гигантских фрагмента какой-то трубы, внутри которой располагается винт. Размером они с трехэтажный дом. Сначала совсем не понимаешь, в каком смысле они там лежат, но потом замечаешь,

что у каждого из фрагментов на торце есть шпindel, а на другом торце — отверстие для него, так что, видимо, их надо мысленно соединить. Когда же соединишь, то получается башня с винтовой лестницей внутри. Тут становится ясно, что это и есть знаменитая Вавилонская башня Массимо Сколари, о которой все здесь говорят.

Дело в том, что вход в итальянский павильон украшен гигантской молнией, которая как бы ударяет в него с небес. А в центре павильона — разрушенная Вавилонская башня. Надо сказать, что это очень сильный символ, и сначала даже сомневаешься, правильно ли ты все понял. Все-таки наполнить весь итальянский павильон современной виртуальной архитектурой, а потом обрушить на него молнию и заявить, что все это Вавилонская башня, которая будет разрушена, — это какой-то неожиданный поворот.

Однако в разговоре со мной Массимо Сколари подтвердил, что именно в этом и был его замысел. «Я не знаю, почему Курт Форстер пригласил меня делать инсталляцию. Он сторонник „архитектуры спагетти“, он видит в этом новую эпоху. Я здесь ничего позитивного не вижу. Это вырождение архитектуры. Вы берете салфетку (мы беседовали за ужином), мнете ее вот так и вот так и говорите: это концертный зал. И потом отдае-

те это инженерам, и они это считают. Это очень демократично — салфетку может смять любой. Для этого не нужно ни образования, ни вкуса. Этот демократизм делает такую архитектуру всепобеждающей — это поток, которому невозможно противостоять. Каждый изобретает свои макароны, никто никого не понимает, и это и не нужно — каждый слушает только собственный голос. А что это — гимн или бессмысленное бормотание, принципиально невозможно понять. Это и есть состояние мира после разрушения Вавилонской башни».

Таким образом, в самом центре биеннале находится жест довольно жесткой оппозиции ее основной идее — наступлению эпохи криволинейной архитектуры. И жест в высшей степени заметный. Однако эффект этого жеста неожиданный. «Мне, разумеется, интересно, как люди воспринимают мою инсталляцию, — сказал мне Массимо Сколари в заключение беседы. — Но особых иллюзий я не строю. Все говорят: это какой-то двигатель. У него внутри турбина, она вращается. Двигатель. Символ прогресса. Символ движения вперед». Сколари, очевидно, прав — Вавилонская башня уже разрушилась, но сообщение об этом обстоятельстве никого не волнует. Его просто не понимают по причине того, что каждый говорит на своем языке.